

Чу Данфэн до попадания в книгу и сам никогда не был в романтических отношениях... Если подумать, это было уже две жизни назад. Воспоминания настолько поблекли, что казались чем-то далёким, но если взять прошлую жизнь, когда под угрозой системы он был вынужден тайно сохнуть по младшей сестрице Линь Шуэр, то у них тоже выдалось прекрасное время: он дарил ей заколки, принимал за неё наказания и в конце концов даже погиб, пытаясь её спасти.

Как ни посмотри, он выглядел преданным влюблённым, готовым отдать за младшую сестрицу всю душу, но Чу Данфэн прекрасно знал: он вовсе не любил Линь Шуэр и даже никогда не испытывал к ней ни малейших чувств.

Чу Данфэн начал паниковать.

Неужели он и правда гей? Стойте, нет! То, что он не любил младшую сестрицу, ещё ничего не доказывает. Возможно, просто Линь Шуэр не соответствовала его вкусу. В прошлой жизни он был вечно занят заданиями и культивацией — у него просто не было времени или возможности взглянуть на других женщин-культиваторов, не говоря уже о том, чтобы заводить романы...

К тому же, он ведь не «на ровном месте» увидел этот сон, на него определенно подействовали побочные стороны чудодейственного лекарства!

Чу Данфэн с трудом успокоил себя и, осторожно подбирая слова, спросил Хуа Тинсюаня:

— Сяо-Лю, тебе только что ничего не снилось? Что именно ты видел в сне?

Крошечный комочек как раз шагнул в бассейн с огненными лотосами. Ростом он был мал, и вода в неглубоком месте доходила ему до груди, так что над поверхностью торчали лишь два завязанных в детский пучок хвостика и маленькая головка. Видимо, вода оказалась слишком горячей, и щёки мальчика покраснели от жара. Поскольку Хуа Тинсюань стоял довольно далеко, его голос тонул в клубах поднимающегося пара:

— Мне приснился шисюн.

Неужели под воздействием Трав Переплетения Сухожилий Яолан оба непременно видят во сне друг друга, и это вполне нормальное явление? Чу Данфэн воспрянул духом:

— Расскажи скорее, что именно тебе приснилось? В голосе Хуа Тинсюаня послышалась легкая усмешка:

— Мне приснилось, что в детстве шисюн носил розово-лиловое женское платье цюйцун и выглядел красивее любой девчонки... Маленький шисюн и правда носил платье?

— ... — У Чу Данфэна задергался угол глаза, а лицо почернело. — Абсолютно точно нет! Это же сон, разве можно принимать его всерьёз?

— Вот как? А что тогда приснилось маленькому шисюну?

— ... — Чу Даньфэн смутился до предела и, напустив на себя суровый вид, заговорил с высоты старшего товарища: — С каких пор у тебя столько вопросов? Забыл, зачем наставник велел нам сюда прийти?

— ... — честно ответил малыш: — Во-первых, рассеять холод травы Яоланфуцзинь, во-вторых, используя духовную энергию Пруда Огненных Лотосов, прочистить меридианы и помочь в совершенствовании.

— Вот именно, — сказал Чу Даньфэн. — Пруд Огненных Лотосов — это драгоценное сокровище нашего наставника, его открывают крайне редко. Не упускай эту возможность, шисюн научит тебя направлять ци в тело.

Услышав это, малыш неуклюже зашлепал по воде, двигаясь вперед на ощупь. Услышав шорох воды, Чу Даньфэн вдруг вспомнил, что для крохи пруд слишком глубокий, и поспешно бросил:

— Ладно, я сам подойду к тебе, Тинсюань, найди каменный табурет и встань на него.

Еще захлебнется ребенок.

Этот Пруд Огненных Лотосов на самом деле был построен по стандартам горячих источников: на дне имелось несколько каменных табуретов разной высоты, чтобы купающиеся могли отдыхать. Хотя Хуа Тинсюань был еще совсем маленьким, стоило ему забраться на табурет, как он во всей красе предстал перед глазами старшего брата — совершенно голый.

Когда Чу Даньфэн подплыл ближе, он как раз вовремя застал малыша стоящим нагишом, и его взгляд неизбежно упал на крошечный детородный орган мальчика. Цц, кто бы мог подумать, что эта кроха вырастет во что-то столь пугающее?

Вспомнив, как это исчадие ада измывалось над ним во сне, Чу Даньфэн ощутил прилив злости и, не сдержавшись, щелкнул его по лбу.

!

Хуа Тинсюань с неверием посмотрел на Чу Даньфэна, после чего покраснел и прикрыл лицо руками. Низко опустив головку, он пробормотал:

— Шисюн...

Чу Даньфэн и сам понял, что снова смешал сон с реальностью. То была всего лишь иллюзия, порожденная духовной травой, так с какой стати срывать злость на живом человеке?

Но дело было сделано. Извиняться гордость не позволяла, поэтому Чу Даньфэн решил воспользоваться старшинством:

— Чего стыдиться? Мы оба мужчины, к тому же шисюн — не чужой человек.

— Как скажете, шисюн. — Судя по всему, эти слова даже обрадовали малыша.

И правда ребенок, как же легко его умиротворить.

Направление ци в тело — первый урок на пути бессмертия, самый простой, но в то же время ключевой этап. Раз уж Учитель поручил ему младшего брата, помочь тому войти в практику не считалось превышением полномочий. К тому же Чу Даньфэн прекрасно знал о чудовищных способностях главного героя к постижению, и сейчас для этого сложились все условия — подходящее время, нужное место и люди. Недолго думая, он решил прямо здесь, в наполненном духовной ци бассейне с огненными лотосами, передать ему технику циркуляции ци.

— Храни тело и тренируй ци, питай дух внутренним чувством: муть опускается, чистая ци поднимается...

Алые губы шисюна то открывались, то закрывались, черные глаза и темные волосы, торс наполовину скрывался в тумане. Белая, нежная кожа покраснелась пятнами персикового отсвета, а в лунном свете это выглядело до ослепительного ярко и соблазнительно, отчего от него просто невозможно было отвести глаз.

И при этом этот человек с абсолютно серьезным видом читал самую скучную и сухую формулу для тренировки ци, создавая сильный, почти пуританский контраст. Хуа Тинсюань помимо воли вспомнил прошлую жизнь: после смерти шисюна он словно сошел с ума и с помощью бусин, собирающих души, насильственно сохранял его тело нетленным — казалось, оно лишь не дышит, а так совсем как живое.

Все вокруг твердили, что у него выдающийся талант и ему не следует поддаваться демоническим искушениям и сбиваться с пути, но лишь он сам знал, что то были его самые безумные и в то же время самые счастливые дни.

Тогда шисюн выглядел точно так же, как сейчас... живой и манящий. А главное — он больше не смотрел на него взглядом, полным страха и отвращения, и его взор не устремлялся больше ни к кому другому...

Алый оттенок бесшумно подкрался к черным зрачкам Хуа Тинсюаня, как раз когда наполненная тучами темная туча закрыла луну, погрузив крошечную фигурку во мрак.

— Сюань-эр? Сяо Лю? Хуа Тинсюань!

Хуа Тинсюань резко очнулся, зловещий алый блеск в его глазах схлынул, словно прилив, и когда он снова посмотрел на Чу Даньфэна, его взгляд уже стал чистым.

Чу Даньфэн постучал его по голове:

— И в такой момент умудряешься витать в облаках!

Маленький кругляш прикрыл голову руками и обиженным детским голоском протянул:

— Я не витал в облаках, я все запомнил: храни тело и тренируй ци, питай дух внутренним чувством: муть опускается, чистая ци поднимается, преобразуй эссенцию в ци, усмири сердце, дабы вернуться к пустоте...

Кроха выпалил все без запинки, и впрямь слово в слово.

Чу Даньфэн с завистью подумал: и правда одаренный главный герой, в одно ухо влетело, из другого вылетело, но при этом может повторить задом наперед. Что за чудовищная способность к обучению? Обладай он сам таким пониманием, глядишь, золотое ядро удалось бы восстановить в мгновение ока.

Чу Даньфэн произнес:

— Раз выучил, давай-ка попробуем на практике. Первое привлечение ци в тело не обязательно должно увенчаться успехом, главное — прочувствовать, как ци циркулирует по меридианам и как так называемая духовная энергия небес и земли сгущается и направляется в даньтянь, становясь твоей собственной.— Протяни руку, старший соученик поможет тебе освоиться.

Хуа Тинсюань послушно приложил свою маленькую ладошку к ладони Чу Даньфэна, и под руководством Чу Даньфэна духовная энергия заструилась по их телам.

Эта картина... казалась до странного знакомой, напоминая первую встречу Ян Го и Сяо Лунню, когда те обнажили свои сердца друг перед другом. К счастью, собеседник оказался сопливым мальчишкой, так что Чу Даньфэн не испытывал ни малейшего психологического дискомфорта.

Он быстро заметил, что сообразительность Хуа Тинсюаня превосходит все ожидания: стоило показать всего один раз, как тот уже научился управлять духовной энергией. Чу Даньфэн не стал прерывать ребенка, молча передавая инициативу Хуа Тинсюаню.

Это было похоже на обучение езде на велосипеде: родитель вроде бы уже отпустил руки, но все равно делает вид, будто продолжает помогать, иначе ребенок испугается и упадет. Чу Даньфэн боялся, что если он скажет Хуа Тинсюаню, что больше не подталкивает его, ци в море энергии мальчика придет в беспорядок.

Однако, судя по всему, он недооценил способности Хуа Тинсюаня. Малыш не только прекрасно справился с привлечением ци в тело, но даже помог Чу Даньфэну прочистить меридианы.

Маршрут движения духовной энергии и усилие, затраченное на прорыв каждой заставы, были безупречны. Такое ощущение можно было описать лишь двумя словами: непостижимо чудесно.

После завершения одного великого круга циркуляции привычное ощущение скованности исчезло, а дантянь наполнился приятным теплом. Чем больше Чу Даньфэн предавался воспоминаниям, тем сильнее ощущал озарение. Он чувствовал себя круглым двоечником, который всю жизнь учился с помощью дурацких методов и, как ни старался, едва дотягивал до проходного балла, а сегодня отличник впервые взял его за руку, показал ход решения задачи, и он наконец-то познал радость высшего балла!

Истинный главный герой! Одарен от природы!

Если впредь практиковаться именно так, это, естественно, принесет вдвое больший результат при половинчатых усилиях, и, возможно, не за горами даже восстановление золотого ядра! Чу Даньфэн как раз предавался бурным эмоциям, как вдруг услышал детский, еще не окрепший голос:

— Благодарю за наставления, старший соученик, Сюань-эр вроде бы немного понял. Можно ли считать это вхождением врата?

Великий мастер, да какое там «немного понял», вы уже кристально ясно постигли этот шаг — привлечение ци в тело! С такими темпами вы через пару дней уже заложите основы!

Если подумать, в прошлой жизни Хуа Тинсюань заложил основы в восемь лет, чем потряс всю секту Двух Полюсов, а заодно и остальные секты с кланами бессмертных по четырем морям и восьми пустыням.

Теперь же, вероятно, благодаря помощи Пруда Огненного Лотоса, его прогресс шел еще быстрее...

Впрочем, как бы ни бушевало сердце от восхищения и изумления, лицо старшего брата все же нужно было держать. Чу Даньфэн откашлялся и невозмутимо произнес:

— Неплохо, можно сказать, ты вошел врата, но все равно не следует гордиться или проявлять нетерпение, нужно усердно практиковаться. Хуа Тинсюань посмотрел на своего важничающего старшего брата по учебе и с довольной улыбкой ответил:

— Слушаюсь, маленький старший брат.

В горах у времени нет имен, и в мгновение ока цветы персика на пике Одинокой Пустоты облетели, а на ветках завязались зеленые незрелые плоды. Маленький Хуа Тинсюань провел в бамбуковой хижине Чу Даньфэна ровно три месяца.

Для практикующих три месяца — всего лишь миг, по крайней мере, Чу Даньфэну показалось, что время пролетело невероятно быстро. Главное — оно было заполнено до предела. С тех пор как Чу Даньфэн овладел методом культивации зубрилы, он ежедневно уделял целый час медитации, а каждые семь летних дней подкреплял её Яоланьской травой усмирения сухожилий. Его успехи продвигались с невероятной скоростью, и у него даже появилось смутное предчувствие скорого формирования золотого ядра.

Всё развивалось наилучшим образом, однако был и один недостаток — побочный эффект Яоланьской травы усмирения сухожилий.

Каждые семь дней Чу Даньфэну снился повзрослевший Хуа Тинсюань..... который совершал над ним непотребства. Тот же пейзаж, тот же разговор, те же поцелуи красной родинки на лодыжке, та же одежда, разодранная в клочья...

От первоначального шока и стыда до нынешней покорности и онемения — Чу Даньфэн считал это полнейшим кошмаром.

Впрочем, у этого сна появилась одна дополнительная особенность: он полностью излечил его от привычки баловать детей, на выработку которой ушла вся жизнь.

В конце концов, после стольких повторяющихся снов неизбежно заработаешь психологическую травму. Чу Даньфэн уже закончил сегодняшнюю медитацию и теперь с наслаждением развалился в бамбуковом кресле. На столике рядом стояла засахаренная гусиная грудина по его собственному фирменному рецепту, которую он приготовил несколько дней назад, а также фруктовые цукаты и жареные семечки, купленные в лавке Чжана у подножия горы. Чу Даньфэн весело хрустел семечками, а когда у него пересыхало во рту, он просто бросал:

— Чайку.

Младший соученик тут же стремглав бежал с чайником наперевес, чтобы подлить ему воды.

— Старший братец, не обжигает?

Чу Даньфэн сделал большой глоток и не скупясь на похвалу произнес:

— Самая подходящая температура!

Хуа Тинсюань тотчас просиял довольным выражением лица.

Чу Даньфэн тоже остался весьма доволен. Поручать ребенку посильную домашнюю работу — разве это не замечательно! В прошлой жизни он, пожалуй, слишком баловал его, вот и вырастил неблагодарного волчонка.

Такие ладные и гармоничные отношения между соучениками вызывали жгучую зависть у второй старшей сестры Е Байлу. Е Байлу действительно очень любила детей. Даже после того, как мастер распорядился поручить воспитание шестого младшего брата Чу Даньфэну, она всё равно каждые несколько дней навещалась с самыми разными забавными вещами, чтобы позабавить ребёнка. К сожалению, младший братец был лишь притворяющимся ребёнком, мастером меняющим лица: перед собственным старшим братом он был донельзя наивным и

милым, а перед всеми остальными — сущим ледяным айсбергом. Из-за этого все те диковинные игрушки в конце концов неизменно оседали в пространственной мешочке Чу Даньфэна. Заметив визит Е Байлу, Чу Даньфэн поспешно окликнул её:

— Старшая соученица, как удачно вы заглянули, попробуйте-ка гусиное филе в маринаде по-красному, что я приготовил.

Е Байлу машинально бросила взгляд на внутренний двор и, конечно же, увидела, что пухленький малыш смотрит на неё явно недоброжелательно. Она хорошо знала, что этот кроха ужасно ревностно оберегает всё, что связано с его пятым старшим братом — особенно то, что Чу Даньфэн приготовил своими руками, ведь он вовсе не хотел делиться этим с посторонними.

— Не буду, — Е Байлу ничуть не обиделась и радостно произнесла: — Я сегодня пришла, чтобы сообщить вам отличную новость: мастер собирается взять последнего ученика. Говорят, это кто-то из младшего поколения семьи глава секты-шибо, по имени Линь... Ой, Линь как там её...

Чу Даньфэн выпалил:

— Линь Шуэр?

<http://bllate.org/book/20986/2130553>